

Малахов Геннадий

Иван УДОДОВ

Иван Васильевич Удодов (20 мая 1927, п. Глубокий Ростовская область — 16 октября 1981) — советский тяжелоатлет, в 1952 году стал первым советским олимпийским чемпионом. Рекордсмен мира 1952—1956 года. Заслуженный мастер спорта СССР (1952). Чемпион мира, дважды серебряный призёр, 2-кратный чемпион Европы, 4-кратный победитель чемпионатов СССР.

Вступление.

Сейчас многие знают понаслышке, что такое Сила Духа, Сила Воли и Подлинная Вера. Для большинства это просто звуки. Но есть люди, для которых это было смыслом Выживания, Жизни и Подвига. Если бы не они, то не было бы и этих Славных людей. И среди них особо ярко сияет звездочка донского богатыря Ивана Удодова.

Без Веры, Воли и Силы Духа навряд ли ему что-то удалось. В тех условиях, в которых он оказался, без этого не выживают! Да, да – про-

сто не выживают! И только сильнейшая Вера, помогла ему сначала вырваться из лап Смерти. Он выжил в концлагере смерти ... Бухенвальде! Верил, что выживет, когда ежедневно, вокруг него десятками умирали люди! Когда его довели до края истощения – все равно верил! Верил и выжил!

Верил, что восстановиться после тяжелой дистрофии, когда от него осталось 27 кг веса! Когда не осталось сил встать, не говоря уже о том, чтобы идти. Когда медицинское лечение не помогало! Он все равно верил! И это помогло ему восстановиться, да не просто восстановиться, а еще заняться спортом богатырей – тяжелой атлетикой!

Верил, что станет чемпионом, и не просто области, страны, а Олимпийских Игр! И стал им! И не просто одним из подобных ему, а Первым в СССР по штанге. Говорят, что вообще первым в СССР, но здесь история хранит свои тайны.

Говорят, что сама Судьба, помогла ему первому завоевать золотую медаль на Олимпийских играх в Хельсинки (1952 год), на которых советские спортсмены дебютировали на Олимпиадах. Но, если бы не вера и не сила духа, вряд ли Иван Удодов победил. Судьба любит сильных, смелых и волевых – таких, каким был Удодов.

В летописи современной отечественной тяжелой атлетики, он стоит на почетном месте, как первый советский олимпиец «золотопроходец». На Олимпийских Играх в Хельсинки, Иван не просто одолел шестнадцать соперников, в числе которых был непобедимый иранский чемпион Намдью, но закончил соревнования с новым олимпийским рекордом, набрав в сумме трое-

борья 315 килограммов! Победа, первая победа Ивана Удодова, вселила веру в советских спортсменов, участников той легендарной олимпийской команды. Потом были другие Олимпиады, и советские спортсмены становились олимпийскими чемпионами, но задел всему этому движению сделал Иван Васильевич Удодов – из рода славных донских казаков.

Часть 1 Детство.

Родился Иван в семье потомственных донских казаков Удодовых. Произошло это в Ростовской области, в маленьком, но известном поселке Глубоком, Каменского района, 20 мая далекого 1927 года. Мать Ивана, Феодосия Яковлевна, родила его прямо на колхозном поле! Раньше народ был крепкий и это считалось за норму. Отец Василий, решил назвать своего первенца Иваном. Само имя это, означало активного, волевого человека, отличающегося завидной быстротой реакции. И как показала жизнь, это имя подошло ему наилучшим образом.

Надо сказать, что мужчины по роду Удодовых, отличались своей крепостью и силой. Не боялись тяжелых работ и содержали свои семьи в достатке. Вот и Иван, рос крепким и ловким – ходить начал в полгода! А потом и вовсе не ходить а бегать – столько природных сил было в этом ребенке. Да и было где разгуляться – вокруг степной простор, рядом чистая и глубокая речка, наполненная родниковой водой. И название реки – Глубокая, текущая по степям и впадающая в главный приток Дона – Северский Донец. Летом в ней купались, а зимой, катались по гладкому, прозрачному, но крепкому льду на коньках, санках.

Коньки в те времена были примитивные, их «прикручивали» веревками к валенкам и гоняли по речке Глубочке. Ваня особенно любил это занятие – разбежаться, что есть мочи и ... скользить по гладкому, чистому льду. Однажды, он так увлекся, что влетел на тонкий лед, там родники били, и провалился! Однако, мальчик не растерялся, и самостоятельно выбрался, благо верба росла рядом и он уцепившись за ее ветку, вытянул себя из полыньи. Бегом домой, к печке, на просушку.

Чистый степной воздух, дни напролет на

улице, тяжелый деревенский труд по хозяйству, простая, но сытная еда, еще более укрепили природные задатки Ивана. В нем сочетались ловкость и сила, которые к 15 годам позволили ему разнимать дерущихся взрослых мужиков. Ловко уворачиваясь от ударов, он быстро разнимал дерущихся. А если кто не унимался – получал пару – тройку затрещин! Пыл сразу уходил! Да и знали – Ваня просто так не ударит, он справедливость любит, потому и разнимает, а сам не задирается.

В домашнем хозяйстве пришлось научиться ухаживать за лошадьми. С ребятами они частенько отправлялись в ночное! Было очень интересно – летняя ночь, мирно фыркают кони, тепло от костра, а в небе россыпи звезд! Кто-то рассказывает житейскую байку, а окружающая ребят темнота, делает ее невероятно впечатлительной.

Любил Ваня и спорт. Участь в школе, он постоянно участвовал в спортивной жизни, бегал, боролся, выполнял гимнастическое упражнение. И все у него ладилось, получалось! Да и страна была на подъеме – получай образование и становись специалистом в выбранной профессии. Тут тебе почет и уважение, как у Ванюшного отца – Василия.

О том, что в Европе бушует война, мало кто думал – свои дела были важнее. Жизнь, учеба, дела по хозяйству и конечно же, юношеские увлечения. В 1941 году Ивану исполнилось 14 лет, а через 22 дня грянула война. Сразу все круто изменилось – пришла повестка из военкомата и отца забрали на фронт. Он был сапером, получил ранения, но живым вернулся после войны.

Время началось тяжелое, страна напряглась, все для фронта. Теперь уже было не до беззаботных гуляний, рабочих рук не хватало, и такие подростки, как Иван, да женщины, были основной рабочей силой. Вообще, трудиться приходилось много, и для страны и хозяйства, и все это легло на плечи старшего сына Ивана. Он ухаживал за лошадьми, перевозил грузы, и масса иных дел. Взрослеть, мужать приходилось быстро – сама Жизнь того требовало.

В начале июля 1941 года, в поселке Глубоком началось строительство военного аэродрома. Нагнали рабочих, в основном женщин, с близлежащих деревень. Они копали подземные ангары под самолеты. Так появился в поселке во-

енный аэродром, на котором в начале базировались истребители И-16. В народе их прозвали «ишачками» за тупые носы. Позже появились и бомбардировщики Илы.

Вести с фронтов приходили тревожные, едва пережили 1941 год, начало 1942, с относительно спокойной зимой и весной, как началось летнее наступление немцев. Уже в мае 1942 года усилились бомбежки поселка. Ваня видел, как немецкие самолеты сбрасывали бомбы на станцию, смотрел на разбросанные взрывами рельсы, разбитые дома, убитых соседей. Все это лишь усиливало ненависть к непрошенным гостям – немецким солдатам, а потом, к немцем вообще.

Из-за бомбежек, часть населения Глубокого, ушла в Калиновую балку, вырыли землянки и стали там жить. Там было безопасно – по крайней мере не бомбили. Семья Удодовых осталась в поселке. Ваня изредка наведывался туда, посмотреть, как живут бывшие соседи. С продовольствием стало сложно, выручали поспевшие к этому времени вишни, абрикосы.

В июне 1942 года, через поселок Глубокий прошли отступающие части Красной Армии. А вскоре в поселок вошли немецкие, румынские и итальянские части. Поселок наполнился непонятным говором.

Знакомый паренек рассказывал Ивану, что у Калиновой балки взорвали сами себя наши солдаты вместе с двумя «катюшами». У них кончились снаряды, и когда немецкие танкетки направились к ним, чтобы захватить, они взорвали себя вместе с машинами, чтобы секретная техника не попала к врагу.

После этого немцы стали выгонять людей из землянок. Они искали уцелевших советских солдат. Но в землянках были только женщины и дети. Видя это, немецкие солдаты велели извозвращаться в поселок, мол больше бомбежек не будет. Вечером народ из балки, забрав скотину и пожитки, стали возвращаться в поселок.

Вернувшись, рассказывали, что видели по дороге два наших танка без боеприпасов и топлива. А возле них молоденького лейтенанта. Узнав от них, что немцы в поселке, он на их глазах вынул пистолет и застрелился.

Семья Удодовых, мать Феодосия Яковлевна, 15-летний Иван, и два его младших брата жили в хорошем доме. Как только пришли немцы, они бесцеремонно выгнали их из дома в маленькое

помещение для летней кухни (летница).

Ваня хорошо помнит, как распахнулась калитка, вошли полицаи из местных, офицер, его адъютант и два немецких солдата. Все они были при оружии. Полицай гаркнул: «Феодосия – выходи! Забирай своих щенят, и марш в летницу. В доме будет жить господин офицер с адъютантом. Теперь это их дом.»

Мать испуганно схватила младших братьев Ивана за руки и быстро вышла. Ваня, не ожидавший такой наглости, покраснел, заблестел глазами. Видя это, полицаи грубо пнул его в спину и выматерился. Наблюдавшие это немцы, расхохотались и что-то заговорили по-немецки, делая соответствующие жесты.

Примерно, дней через десять, со стороны Калиновой балки послышались выстрелы, там явно шел жаркий бой. Оказывается, это со стороны Миллерово выходила из окружения наша конница. Они хотели проскочить незаметно по Таловатой балке. Немцы устроили кавалеристам засаду, и всех перестреляли. Остались лишь часть лошадей. Многие из животных были ранены и разбежались.

Слух об этом пролетел по поселку. Ваня зная повадки лошадей пошел с другими ребятами их ловить. Ему удалось поймать раненое животное. Измученный конь сам отдался в руки, понимая, что человек поможет. Ваня первым делом напоил коня, потом осторожно обработал раны.

Немцы увидев, что конь ранен, не проявили к нему интереса. Но как только он поправился – сразу же забрали. А забрали румыны – они постоянно рыскали по домам и забирали все, что им понравится. Например. Срывали белье которое сушилось на веревках, отбирали хорошую посуду и прочее. Часть отсылали себе домой, часть использовали здесь. Вот и конь Ивана им приглянулся.

Летом 1942 года, через Глубокую, двигалось огромное количество обозов с лошадьми. Шло немецкое наступление на Сталинград. Немцы ловили всех мало-мальских пацанов, способных носить ведра, давали им брезентовые ведра и заставляли поить лошадей из обозов. Отказаться или сбежать было не просто. Немцы просто стреляли в отказавшихся и этого было достаточно, чтобы детишки таскали воду лошадям.

Жителям поселка было в диковинку видеть, что «просвещенные» немецкие солдаты, без стеснения женщин, купались голыми во дворах. До сознания еще не доходило, что русский народ немцы не считают за людей – так им внушили, и это осознание превосходства, господства, так понравилось и прижилось.

В поселке установились немецкие порядки – народ гоняли на работы по 12 часов, кормили так, чтобы были живы. Особенно свирепствовали местные полицаи. Выслуживаясь у немцев, они издевались со своими бывшими соседями.

Через некоторое время, на столбах появились листовки с призывом уехать молодежи в «цивилизованную Германию» на работы. Собрали всех жителей и рассказали, как там хорошо, а заодно выявили всю молодежь, которую собирались угнать. Попал в эти списки и Иван.

Придя домой, Ваня сказал матери, что он не поедет никуда, а сбежит.

«Мама, ты же меня знаешь – я сбегу по дороге!» – говорил Иван за хатой своей матери.

Он и не подозревал, что немецкий офицер живший в их доме, немного понимает по-русски, и совершенно случайно подслушал их разговор. Буквально, через час пришли два полицаи, вытолкали семью Удодовых во двор. На крыльцо вышел офицер и на ломанном русском сказал: «Если ваш Иван не поедет в великую Германию, или сбежит по дороге, вас всех расстреляют». При этом он указал рукой на мать и двух братьев Ивана.

Вечером, перед отъездом, мать плакала, молча собирая еду и вещи. Слезы капали на узелки, которые она складывала в чемодан. Младшие братья, как-то вдруг повзрослев, молчали. Все понимали, что расстаются навсегда. Ваня твердо ответил – я еще вернусь! Обязательно вернусь! В его словах было столько силы и веры, но обстоятельства ... заставляли сомневаться. Сомневались все, кроме самого Ивана.

Расставание было быстрым. На станции, угощаемую молодежь отделили от родных. Слышны были крики прощания, кто-то плакал. На товарных вагонах, куда заходили люди, висели издевательские лозунги: «Дон посылает лучших своих сыновей и дочерей в прекрасную Германию, в благодарность за освобождение от коммунистов».

Ваня бросил из вагонной двери, прощальный

взгляд на провожающую толпу земляков, мать, братьев ... и про себя подумал: «Я еще вернусь, Гитлеру меня так просто не взять ... обязательно вернусь!»

Последних людей затолкали по вагонам, скрипнула закрывающаяся дверь вагона. Среди солнечного летнего дня, наступила темнота. Снаружи щелкнули засовом. Все, один этап жизни – детство, закончился. Раздался гудок паровоза и поезд тронулся. Тронулся в те адские три года жизни, из которой выжили и вернулись единицы.

Часть 2 Германия.

Дорога. Поезд медленно стал набирать ход, застучали колеса на стыках рельс. В вагоне пахло скотом, да и это не удивительно, ведь его там раньше перевозили. Наспех помыли, и в соответствии с директивами Третьего Рейха, о принудительном переселении молодежи на работы в Германию, подали в состав. Немцы не заморачивались, рассматривая русских людей, как рабочий скот. А раз это так, то и вагоны подавали соответствующие.

Вагон был набит битком. Практически все стояли. Как потом оказалось, еще хорошо то, что разрешили взять с собой еду и одежду. Как выяснилось впоследствии, многих насильно хватали на улицах, и сразу же грузили в вагоны. Они всю дорогу ехали голодными! Но что еще хуже – их и не поили.

В основном ехали дети от 10 до 17 лет. Ваня осмотрелся. Многих он знал, поселок Глубокий небольшой, практически со всеми он учился в школе. К нему протиснулась соседская девочка Валя, 14 лет. Ее мама слезно просила, чтобы он за ней приглядывал там ... в Германии. Ваня обещал.

Два дня и две ночи везли их с закрытыми дверями, слышали было, как колеса стучат по рельсам. То, что они взяли из еды дома, давно съели. Обычно молодежь шутит, но здесь было не до шуток, практически все стояли и от этого ужасно устали. Пугала неизвестность и неопределенность. Днем еще свет пробивался сквозь щели в стенах вагона, а ночью становилось так страшно, что многие плакали. К тому же было ужасно стыдно – туалета не было, и по нужде, на виду у всех, ходили в угол, где в полу был сде-

лан маленьких проем.

На третий день поезд остановился, открылась дверь, и солдат бросил в вагон несколько буханок хлеба. Это была Варшава. Дети так проголодались, что тот, кто был ближе, мгновенно разорвали хлеб на части, и сразу же его проглотили. Ваня с Валею были в противоположной стороне от двери, и даже не заметили, что произошло. Только Валя сказала: «Слышишь! Хлебом запахло!»

Через какое-то время, поезд тронулся дальше. Застучали колеса по рельсам, и кто-то затянул до боли знакомую песню, только слова были в ней другие.

Раскинулись рельсы далеко,
По ним эшелоны гремят.
Они из России вывозят,
В Германию наших девчат.

Прощай же, поселок родимый,
И ты, дорогая семья.
И ты, чернобровый мальчишка,
И первая встреча моя.

Прощайте, зеленые парки, —
Мне больше уж вас не видать.
Я буду в неметчине этой,
Свой век молодой горевать.

А если вернется с победой,
Мой брат, черноморец, домой.
То вы ему всё расскажите,
Тогда о сестренке родной.

Последний куплет песни, все спели вместе еще раз. Слезы, жалости, сожаления и негодования к врагу катились по щекам всех ребят! Верилось, что все обойдется, а Красная армия разгромит немцев.

Через день поезд остановился. Конечный пункт – город Вайнер. Послышался немецкий говор и лай овчарок. Дверь открылась и зычный голос приказал выходить без вещей. Мол, все необходимое им дадут здесь.

Дальше всех поместили в помещение – это был санитарный пункт и заставить раздеться, и мальчиков, и девочек. Девочки хотели в одну сторону, а мальчики в другую, но их сбили в одну кучу, и стали поливать из шланга жидкостью с

каким-то непонятным запахом... Не обращали внимания, били струей в: глаза, рот, уши — так проводилась санобработка. Затем, всем раздали полосатые брюки и пиджаки похожие на пижамы. На ноги — деревянные сандалии. На грудь прикрепили железные бирки «Ost» - что значило «восточный рабочий».

Обстановка вокруг была чистая, ухоженная. Конечно, все, в том числе и Ваня, рассматривали, какая она Германия. Когда вели по улице в барак, им встречались взрослые и дети. При этом немецкие мальчишки бросали в них камни, выкрикивали непонятные слова и корчили рожи. Взрослые прохожие и конвоирующие солдаты, на это не обращали никакого внимания – будто так и должно быть. Кому-то разбили голову камнем, кого-то больно ушибли и это ... веселило немцев. Немецкие мальчишки радовались удачному броску, а взрослые поощрительно кивали!

Наконец, завели в барак. Там были двухъярусные нары, бумажные матрасы, а вместо подушек — рвань со стружками. Ваня старался не упускать Валею из виду, да и она понимала, что он ее единственная защита.

Вечером объявили, что завтра придут «покупатели», поэтому пусть заранее доложат, кто и какие работы может выполнять. Ваня сказал, что может управляться с лошадьми, а Валя представилась прачкой.

Бауэр. Их построили в шеренгу, и показали «немецким покупателям». В начале, разобрали тех, кто что-то знал и мог делать. В результате, несколько человек, взял себе в слуги, немецкий крестьянин (бауэр). Звали его Шмидт. Ему было 53 года. Он поддержал, в свое время нацистов, и с приходом их в власти, выбился в зажиточного крестьянина с большим хозяйством. Два сына воевали на фронте, а дочь помладше, помогала вести хозяйство. Один из сыновей был на Восточном фронте, в армии Паулюса, которая быстро продвигалась к Сталинграду. Он им очень гордился.

В хозяйстве было несколько лошадей и им требовался конюх, вот им и стал Иван. А Валею взяли в дом-работницы – мыть полы, стирать белье, выполнять другие тяжелые работы. А заодно сменили им одежду на более гражданскую.

Ваня жил в конюшне, вместе с лошадьми. А

Валя в деревянном сарае – в доме она мыла только полы, а так заходить запрещалось.

Шмидт был жадным, и к тому же люто ненавидел русских, при любой возможности бил чем попало и куда попало. Причем повод мог быть любой – не тот взгляд в его сторону, оброненное слово, которое он не понимал. Все это Шмидт принимал на свой счет, и с руганью бил русских работников. Точно так же поступала и его взрослая дочь Хельга.

Кормили работников, не то что плохо, а тем что оставалось в виде помоев. Ваня питался вместе с лошадьми, которые миролюбивы. А вот Вале «не повезло», она ела из одного корыта, вместе со свиньями. Оказывается, так приказал Шмидт, сказав: «Русс была и будет свинья». При этом свиньи были большие и жадные. Она один раз, чуть не откусили ей палец, когда она доставала из корыта картошку.

От подобной жизни русские работники быстро худели. Ваня еще как-то держался, а Валя таяла на глазах! 14 - летний ребенок не привык к такому обращению. Глаза ввалились, голова острижена наголо, руки высохли и стали похожи на грабли.

Один раз, она попыталась взять кусочек хлеба, упавший под стол, когда мыла полы в кухне. Но это увидела Хельга, которая нарочно следила за ней, и искала лишь повод. Она взяла плетку, и с руганью стала бить Валю по голове и спине. В начале Валя пыталась защититься руками, а потом. Потом она просто лежала, а ее хлестали и хлестали до тех пор, пока Хельга не устала!

Как только немного отошла Валя от побоев, она решила бежать! Но куда убежит подросток, не знающий местности и языка? Ее выдал первый же немец. Привели обратно. Разъяренный Шмидт сорвал с нее платье, и бил ногами до тех пор, пока она не потеряла сознание и перестала шевелиться. Потом на нее выливали ведро воды, привели в чувство и бросили в подвал.

На следующий день вывели на работу. Она пробовала отказаться, но ей сказали, если не будешь работать – затравим овчарками.

Наступили холода, дело шло к зиме. Шмидт ходил радостный, еще бы – по радио передавали, что Сталинград почти захвачен! А это значит конец военной компании и возвращение сына домой! Все готовились к его приезду, но

время шло ... а потом, пришло известие о разгроме под Сталинградом!

От невыносимых условий, у русских работников появились вши. Они буквально кишели в их одеждах, не давали спать. Несколько умерло, они не выдержали постоянных издевательств и побоев, голода и непосильного труда, антисанитарии. Люди тронулись умом и были затравлены овчарками.

Видя все это, Ваня держался на одной вере! Вере и злости – справедливой злости, что когда-нибудь он отомстит! Отмстит этим «господам» ... просто отомстит!

А немецкие господа превратились в палачей, ежедневно устраивались порки. Нарочно придирались и беспощадно били. Били за свой проигрыш под Сталинградом, куда их никто не звал!

Потом, умерла Валюша – ее затравили овчарками за отказ работать. Накануне она пришла к Ивану, как к единственному и родному человеку. На ней было рваное, все в лоскутках платье, как у преступницы номер на шее. А сама худая, как скелет. При кашле, изо рта шла кровь — это ей Шмидт отбил легкие.

Она прижалась к Ивану, и обливаясь солеными слезами стала вспоминать, какие ей хорошие именины устроила родители на 13 лет.

«Ванечка, подружки поздравляли меня, в красивом платье, с днем рождения! Мы пели нашу любимую пионерскую песню, слушали патефон. Какие хорошие были мои именины! А папа, поздравляя сказал: «Расти доченька, на радость красивой и счастливой! Ванечка, посмотри на кого я стала похожа в свои 15?!»

А потом неожиданно добавила: «Только смерть спасет меня от жестокого битья. Сил нет моих! Не хочу больше мучиться рабыней у проклятых, жестоких немцев! Ванечка, отомсти за меня, за всех нас! Прощай, прощай – ухожу умирать».

Обнявшись, они плакали вместе. «Отомщу Валюша, обязательно отомщу!» – пообещал ей Иван.

Прошло около года (август 1943), когда произошел вот такой случай. Шмидт приехал на конюшню с проверкой – как ухаживает Иван за лошадьми. Иван в это время убирал навоз специальным скребком, похожим на тяпку.

Животные хоть и немецкие, но они не при-

чем, и Ваня хорошо ухаживал за ними. Желая придрататься, Шмидт спросил – напоены ли кони?

«Ванька – поиль коней?» - спросил на ломаном русском Шмидт.

«Поил, хозяин – все нормально!» - ответил Иван.

Шмидт набрал ведро воды и поставил перед лошадьми. А у животных такая особенность, как и у людей – хоть они и напоены, но воды немного попробуют. И вот, конь окунул морду в ведро, - повод был найден.

Шмидт заорал на Ивана и толкнул его.

«Сейчас начнет бить» - пронеслось в голове у Ивана.

От первого удара он увернулся. Это еще больше разозлило бауэра. Он схватил вилы и ... ткнул ими Ивану в бедро! Послышался треск протыкаемой кожи. Взревев от боли, Ваня отреагировал мгновенно – развернулся и ... хрястнул немца по плечу скребком. Шмидт охнул и упал!

«Убил наверное» – пронеслось в голове Ивана! – «А за убийство немца – смерть! Бежать! Надо бежать из этой проклятой Германии!»

Не долго думая, вскочил на коня, и как он думал – помчался к границе, через всю Германию. Наивно это было или нет, но выхода не было, за подобное наказание одно – лютая смерть. А тут, был хоть какой-то шанс.

В бегах Иван был недолго – его сдали первые же немцы, которые увидели. Солдаты быстро его окружили и наставили дула винтовок. Несколько раз дали прикладами и скрутили. Вернули назад в имение Шмидта. Оказалось, что удар скребком переломил ему ключицу. И, возможно это, спасло его от немедленного расстрела. Шмидт решил отомстить ему медленно и мучительно, чтобы сама смерть показалась Ивану благом.

В имение Шмидта приехала крытая грузовая машина. Всех «остбайтеров» собрали во дворе. Из крытого кузова солдаты ... выкинули Ивана. Он сел на землю, руки за спиной связаны. Рядом стали солдаты. Угнанные люди, опустив головы, смотрели в сторону Ивана. Показался сам хозяин, бауэр Шмидт, правая рука была в повязке. Рядом с ним шли еще два немца – управляющий делами и дворник – следящий за двором. Дворник нес кусок кабеля, толщиной в

палец, им били провинившихся.

Шмидт, подойдя к Ивану, сказал просто и ясно – «Этот ленивый и злобный русский, сейчас будет наказан. А впредь, поднявший руку на хозяина, ... при этом Шмидт, обвел взглядом стоявших остбайтеров ... будет убит на месте!»

Все заметили, что теперь у Шмидта, на поясе была кобура с пистолетом, раньше такого не было.

Подойдя к сидевшему Ивану, он вдарил его ногой в грудь. Иван упал на бок, он еще пару раз ударил его ногой, и скомандовал дворнику бить кабелем. Раздался свист кабеля и удар, который пришелся по голове. Так как волос не было, все были пострижены на лысо, на коже появился багровый рубец. За первым последовал второй, третий, четвертый. Руки были связаны за спиной и голова была беззащитной. Иван свернулся калачиком, пытаясь спрятать голову в худенькие коленки и подставить под удары ... торчащие ребра спины. Но дворник старался бить по голове. От боли Иван потерял сознание и ... перестал двигаться. Только после этого избиение окончилось.

Соотечественники Ивана, остбайтеры, молча разошлись. Они видели подобное не один раз. Сами получали почти ежедневно и в страхе разошлись по сараям, где трудились и жили.

Что касается Ивана, то избитый до полусмерти, куском кабеля, он был похож на еще дышащий кусок мяса.

На следующий день его отправили ... в Ад! После которого даже Бухенвальд, покажется домом отдыха.

Часть 3 Бухенвальд.

Ивана на машине доставили в лагерь и предупредили, что этот русский паренек «очень вреден и опасен».

Это был особый лагерь, своего рода чистилище, в котором за две-три недели из человека делали труп. В начале выкололи на руке рабочий номер, потом завели в барак.

В три утра полицаи оглушительно орал: «Подъем!»

За малейшее промедление безжалостно били палкой или куском кабеля, по чему попадут – по спине, по голове и так далее. Работы были земляные, тяжелые – копай, да катай тачку. При

этом, полицаи из числа «наших», следили чтобы работа шла без остановок. Любое промедление каралось побоями. Удар приклада винтовки по голове – капай быстрее. Удар по спине – кати быстрее. Если упал – могут забить до смерти, а потом пристрелить. Немцы, лишь наблюдали за этим, курили, играли на губной гармошке.

Несколько раз жизнь Ивана висела на волоске, тачка ослабленного подростка сбивала с ног, и над ним уже щелкали затвором, но он успевал встать. А раз за него, даже заступился немецкий солдат, одернув слишком ретивого полицая. Полицай наблюдал за работой, как истощенные люди, катали полные тачки земли. Тачка была на одном колесе, которое надо было катить по положенной на землю доске. Тачка покатила под уклон, колесо соскользнуло с доски и увлекая Ивана, шмякнулась в лужу, обрызгав стоящего рядом полицая. Полицай начал лупить Ивана, а потом, сдернул с плеча винтовку и ... наставив на Ивана, хотел выстрелить. Но, наблюдавший за всем этим немецкий солдат, вынув изо рта губную гармошку, пригрозил полицая этого не делать. Тот, скрежеща зубами от злости, отвернулся, а Иван вытащил тачку, и покатил ее побыстрее.

Есть давали через день. Работа заканчивалась с наступлением темноты.

Каждый день умирало по несколько людей. Ваня видел вокруг себя ослабленных, истощенных, замордованных людей, с которыми он ложился спать, а наутро, это уже было холодные трупы. Так он лежал с ними до утра. Утром их уносили, а на их место приходили новые бедолаги, и все начиналось сначала.

В голове уже не осталось никаких мыслей, только одна – «Жить, жить и выжить! Выжить любой ценой! Выжить и отомстить!» Тогда он не понимал, как именно отомстить, но то, что это будет, непременно, он знал и верил. И это помогало держаться, словно какие-то силы поддерживали и охраняли его.

Прошло четыре недели, и только он остался жив, из всех попавших туда. Это несколько удивило немцев и было решено отправить его в Бухенвальд. Мол то, что не сделано здесь, обязательно закончиться там.

«Посмотри на него – указывая на Ивана, говорил начальник лагеря, – Ганс! Даже очень выносливый и молодой организм, может вы-

держивать многое! Но истощение за пол года, год, полтора доконает любого здоровяка!»

С этими словами Ивана отправили в Бухенвальд. Его определили в 8 детский блок. Против того лагеря, где он провел месяц, здесь было полегче. «Как санаторий» - вспоминал впоследствии Удодов. Баланду давали есть ежедневно. Готовили ее так: в котел на 350 литров бросали ведро картошки, три ведра картофельных очистков с брюквой и пачку маргарина.

К детям отношение было чуть получше, но тем не менее от условий содержания – обилия вшей, истощения, болезней, тяжелых работ (копали, валили лес, рыли пластушку и прочее), сходили с ума ... ежедневно умирали люди. Спать приходилось голыми. Дети, как и взрослые, снимали с себя арестантские лохмотья, чтобы избавиться от кишаших в них вшей. Они были повсюду, и казалось что все шуршит: одеяло, подушка, одежда, и даже сама земля!

У полицаяев были специальные длинные хлысты, на конце которых были гайки. Будили так: в начале следовала команда встать, а сразу за ней удар хлыстом, через все бревенчатые нары. Кожа вспухала ровной полоской, а на конце оставалась рана от гайки. Особенно доставалось последнему, на него приходился удар гайкой, а остальным – кровавая полоска от хлыста. Боль бывала такой, что многие мочились. А вообще, били по любому поводу – вплоть до того, что у полицая было плохое настроение и он ... вымещал его на узниках, лупая их чем, и куда попало.

В сторону крематория старались не смотреть – его труба выпускала клубы неприятного дыма не переставая – ни днем ни ночью. Трупы людей едва успевали сжигать, а на подходе были горы тел вновь умерших узников.

Тем не менее, дети научились пробираться в бараки к взрослым, некоторые даже выполняли поручения. Оказывается, и в таком месте была группа сопротивления, и Иван был связным. Смекалистый, шустрый паренек приглянулся взрослым, и даже подружился с некоторыми из них – советским офицером (усатым) Петрусем и чехом дядей Сашей. И это дружба спасла его от неминуемой смерти.

Ивана взрослые пытались подкармливать, понимая – если его поймут во взрослом бараке – убьют. А он нужен как связной. Ваня брал

хлеб, но сам никогда не ел, а относил в детский барак и делил его с остальными детьми. Он не мог есть сам, зная, что другие голодают как и он. Эта удивительная честность и справедливость покорила сердца взрослых.

Но, тем не менее, работы, ужасное содержание и истощение, делали свое дело – дети, как и взрослые мерли как мухи. Ежедневно валил черный дым из труб крематория, в которых сжигали трупы. И это, уже никорго не удивляло! Люди мерли во сне, падали замертво на ходу, за работой и т. п. А на воротах концлагеря красовалась издевательская надпись: «Каждому свое».

К апрелю 1945 года, от Ивана, которому шел 18 год, осталось ... 27 кг веса тела! Истощение подошло к своему пределу, он едва передвигался. Впавшие глаза, плеточки – руки, палочки – ноги! На туловище – все ребрышки видны. Еще 2-3 недели и его бы не стало.

Война катилась к своему естественному концу. Узники Бухенвальда, уже давно по ночам, слышали гул американских бомбардировщиков, а иногда и дальние разрывы бомб. Фашистская Германия доживала свои последние дни. Подполье Бухенвальда готовило освобождение. А немецкий персонал, зная о подходе союзников, подумывал, как бы побыстрее бежать.

Восстание началось 11 апреля, за два часа до прихода американских войск. Бухенвальд был освобожден руками самих узников. Но Иван в это время лежал в крайнем истощении, как и многие другие узники. Слышны были крики, выстрелы. А потом, случилось то, что погубило уже освобожденных людей. Тысячи обезумевших от голода людей, бросились грабить продовольственные склады. Многие умерли на проволоке, которая была под током. А те, кто добрался, вскрыли склады, открыли консервы, галеты и ели без ограрничений. Никто не мог этого остановить – обезумевшие от голода люди, ели и ели. Отвыкшие от нормальной пищи желудки, не могли переварить съеденное и многие от этого умерли в мучениях. Возможно, такой печальный конец ждал бы и Ивана, если бы не опытный повар, чех дядя Саша. Видя распухший живот, от съеденного Иваном, а в его руке хлебную булку, он понял в чем дело, и два дня отпаивал его кипятком. Понемногу отпустило, пищеварение заработало, но само-

стоятельно идти сил уже не было. Ивана Удодова вынесли, крайне истощенного, на руках.

Когда его несли, слезы катились по щекам, а сам он твердил: «Выжил! Выжил! Верил и выжил!»

Часть 4 Лечение дистрофии.

Люди, измученные в концлагерях, доведенные до крайней степени истощения, начинают болеть дистрофией. Казалось бы, давай им лучшее питание и они пойдут на поправку. Да не тут то было. Истощенного Ивана привезли на Родину, положили в Каменский госпиталь и стали кормить, лечить от дистрофии. Но организм настолько много потерял своих моральных и жизненных сил, что не шел на поправку. Ни питание, ни лечение не помогало! Просто требовалось время, для восполнения духовных сил. И на это ушло полгода! А все это время Иван вроде бы жил, и не жил! Пережитое так крепко вцепилось в него, что не отпускало – по ночам снились кошмары. Он убегает, убегает от своего прежнего хозяина бауэра, а он все ближе и ближе. В его руках те самые вилы, которыми он замахивается и ... колет насквозь. Потом бьют, какие-то люди с мерзкими рожами. Он закрывает руками голову, а между пальцев сочиться кровь... Видит огромных вшей, которые лезут к нему со всех сторон и превращаются в колючие руки, и слышаться голоса – есть, есть, хлеба! Особенно сильно тревожили картины погибающих людей. Вот одного застрелил полицай, и он мешком падает в грязь. Вот бежит обезумевший от голода и истощения человек на проволоку с током – летят искры и трясется в судорогах тело. Вот его опять бьют, а рядом стоят какие-то тени. И так было не только с ним одним, все, кто пережил такое, навсегда останутся с травмированной психикой.

Но время постепенно шло, он уже полгода пролежал в госпитале, такой же истощенный, как туда попал. И вдруг приснился ему сон. Приснилась Валя, такая нарядная, красивая. Она подошла к нему и сказала: «Пора Ванечка, пора! Надо показать этим ... гитлеровцам. Ты сильный, ты сможешь! И выжил ты для эторго!» Потом, появился его покойный дед, сильный, красивый мужчина и сказал: «Ваня – не посрами нашу фамилию. Удод – птица степная,

крепкая, живучая. Вот и тебе пора подняться ввысь и прославить нашу фармилию!»

Ваня проснулся лежащим на койке госпиталя. Был утренний обход. Врач в свите медсестер подошел к нему. Они уже были знакомы.

«Как наш Иван?» – спросил доктор у медсестры.

«С трудом идет на поправку» – ответила та.

Доктор укоризненно глянул на Ивана.

«Ну это ты брось! Уже все позади! Вся жизнь у тебя впереди: любовь, детишек нарожаешь! Давай-ка начинай двигаться! Физкультуру любишь?» – говорил врач.

«Раньше любил» – ответил Ваня.

«Так давай активнее! Ходи, бегай! Жизнь – это движение. А движение тело строит! Обмен веществ ускоряет – это то, что тебе надо! Начни с обычной гимнастики, а когда окрепнешь возьми гантели. Работа с тяжестями нарастит мышцы, вернет силу!» – говорил доктор.

И этот простой разговор оказал на Ивана стимулирующее действие. Сразу же после обхода он вышел во двор, была осень 1945 года. Стояла чудесная пора, которая называется «Бабье лето». В это время года донская осень особенно красива – полно зелени, тишина, приятная теплота. Осеннее солнышко пригревало так ласково, что захотелось жить. Жить – так страстно, так сильно, как это может желать молодой человек прорешедший через смертельный строй длиной в три года!

Глаза заблестели, ноздри раздулись, воздух влился в легкие и захотелось двигаться, двигаться и двигаться!

В течение первых недель это были пешие прогулки, потом пробежки. Рядом оказался спортзал, в котором Иван стал проводить большую часть времени. И организм с благодарностью откликнулся, пошел набор веса – юных, сильный мышц. Тело крепло буквально на глазах, и это ощущение очень нравилось Ивану.

Да еще отец Василий помогал свежим мясом, продуктами, регулярно проводывая сына и поддерживая его морально.

Прошел год, за который Иван так окреп, что его призвали в армию!

В 1946 году он уже служил в Дагестане, город Буйнакск. И надо же было так случиться, что командиром его роты оказался тот самый капитан Петрусь, с которым они были в Бухен-

вальде!

Петрусь также окреп, набрал вес, но Иван узнал его сразу.

А произошло это так: на общем построении вышел командир части. Это был Петрусь. Сам он был с Питера.

Увидев в строю Иван обомлел, и только едва шепотом произнес: «Ваня! Ты живой!»

Ведь когда поднялось восстание, возникла неразбериха и они потеряли друг друга. Многие погибли в перестрелке, другие умерли от передания, когда добрались до продовольственных складов, третьи просто умерли от истощения – настолько они ослабли, что

«Да! – протянул Петрусь – нелегко узнать в бывшем 27-килограммовым скелете, такого молодца! Неужели это ты – Ваня?»

«Конечно же я» – ответил со слезами на глазах Иван и они обнялись! Потом, долго сидели и просто говорили, не вспоминая о Бухенвальде. Эту тему Иван старательно обходил стороной всю оставшуюся жизнь.

В прошлом, капитан Петрусь был мастером спорта СССР по акробатике. В части поддерживали занятия спортом, и опытный Петрусь за несколько месяцев подготовил Ивана на первый взрослый разряда по акробатике. И в этом помогла прекрасная координация и ловкость от природы. Он легко крутил сальто, выполнял акробатические номера. А умение стоять на руках, и ходить колесом Иван Васильевич Удодов сохранит на долгие годы.

Была там и штанга, занятия с ней. Работа с весом, умение подчинять его своей воле, чувство растущей силы, захватили юного Ивана и стали главной страстью в его жизни.

Часть 5 Железная Игра.

В 1947 году его демобилизовали, вероятно защитав, годы проведенные в концлагере. Вернувшись домой, в поселок Глубокий, Иван Удодов стал приобретать профессию, поступил на курсы автоводителей. При этом, он продолжал активно заниматься с тяжестями. Особенно полюбились ему гири и гиревой спорт. Он успешно выступал на районных соревнованиях в Каменске. В результате чего, спортивное начальство района решило отправить его на областные соревнования по штанге в город Ро-

стов на Дону. То, что там надо будет поднимать не гири, а штангу – это их не смущало. Какая, мол разница. Ваня на голову сильнее всех районных гиревиков, значит и по штанге себя покажет! Тем более в команде не хватало мухача – спортсмена весившего менее 56 кг.

И Иван Удодов их не подвел! Благодаря природной координации, смекалке, хорошей акробатической подготовке, он обучился технике поднятия штанги всего за два дня. Ваня посмотрел как поднимают штангу, опробовал, со стороны еще подсказали и дело пошло.

Первое упражнение – жим штанги, очень похоже на жим двух гирь в положении стоя. Это не составило для него труда, взял гири с пола на груди и жми вверх. То же самое и со штангой, сила в руках есть – дави штангу вверх.

А вот рывок штанги оказался сложным упражнением. В то время большинство атлетов рвали штангу в «ножницы». Брали гриф штанги широким хватом, принимали стартовое положение и единым движением выбрасывали – вырывали вес над головой на выпрямленные руки. При этом надо было быстро под него подсесть, а для этого применяли «ножницы» – одну ногу выбрасывали вперед, а другую назад. При этом надо было все сделать так, чтобы штанга не утянула ни вперед, ни назад, ни в лево, ни в право. Потом вставали и уже стоя, фиксировали вес. И только единицы, обладавшие отменной координацией, рвали штангу в низкий сед – просто под нее подседали, а потом вставили. Так вот Удодов, сразу же освоил этот – более сложный, но прогрессивный способ поднятия штанги в рывке.

И, наконец, толчок. Штанга берется на грудь, а потом выталкивается от груди на прямые руки, с последующей фиксацией. Иван брал штангу на грудь в «ножницы» – выбрасывая одну ногу вперед, другую – назад, вставал и толкал ее с груди. Вот так природные качества, плюс акробатическая подготовка, помогли быстро освоить все три тяжелоатлетические подъема штанги.

На третий день начались областные соревнования. Уже в первом упражнении – жиме штанги, Ваня оторвался от соперников. Во втором еще больше увеличил отрыв. И в толчке поставил победную точку. Такого мухача, который бы оказал такое сопротивление не оказалось в

Ростове. Отрыв был таким, что это всем бросилось в глаза.

Следил за соревнованиями и динамовский тренер Марк Баев. Он поинтересовался – «Откуда взялся этот малый?»

Ему рассказали, что это гиревик Иван Удодов, из поселка Глубокого. И добавили, что это первые его соревнования по штанге!

«Вот это да! Вот это удача!» – пронеслось в голове Марка Баева. – «Первые соревнования и такой результат! Да какая координация!»

Тренер Баев поспешил к Удодову и предложил ему переехать в Ростов. Пообещал, что поможет с переводом, жильем, образованием и вообще во всем.

И что оставалось Ивану, в поселке Глубоком перспектив таких нет. Посоветовавшись с отцом, в первую очередь, и получив добро. Он переезжает в Ростов на Дону.

Не прощанье батька напутствовал: «Поезжай сынок, и приложи все усилия, чтобы фамилию Удодовых все знали!»

Ваня ответил кратко: «Батя не подведу!»

«Верю сынок!» – ответил отец Василий и хлопнул по плечу.

Приехав в Ростов, в конце 1947 года, Ваня устроился на квартиру по улице Нижняя бульварная. Продолжил заниматься на курсах автовождения, а по вечерам пропадал в динамовском спортзале.

Баев показал ему правильную технику подъема штанги всех трех упражнений. И Иван многократно повторял упражнения, пока они не стали привычными, точными и даже желанными. Взятый на тренировке вес всегда вызывает радость. Пусть он и небольшой, но он поднят, покорен. И это радость, радость хоть небольшой, но победы.

Далее, в тренировке шли упражнения по развитию силы: тяги, приседания, жимы и много других нужных для развития силы штангиста упражнений.

Баев подсказывал: «Ваня, ты должен взаимодействовать со штангой. Мало ее тянуть вверх, подорвал, расслабился и ... нырнул под нее! Нырнул – подхватил! Контролируй ее на всех этапах подъема. Тогда она будет послушна. А без контроля – будет тянуть, то вперед, то назад, то вбок.»

Ваня слушал, кивал головой, пробовал, и

действительно получалось лучше. Штанга становилась послушной, а тело приобретало специфические навыки и силу для подъема.

Всего полгода потребовалось, чтобы Иван выполнил норму мастера спорта по тяжелой атлетике!

В комнате с Ваней жили сокурсники, молодые ребята, они также обучались на курсах вождения автомобилей. На левом предплечье Вани был крупными цифрами выколот номер – память о Бухенвальде. Кто-то из ребят поинтересовался, что это за наколка. Ваня кратко ответил, и уже на следующий день, на ее месте была выбита другая, которая закрыла первую. А заодно был выбит и ряд других наколок, чтобы не возникало вопросов. Тогда молодежь любила разные наколки, которые поднимали авторитет в глазах сверстников. А Ивану хотелось этим стереть память, о пережитом в Бухенвальде.

Окончив курсы вождения и получив специальность, Иван решил поступить в Ростовский техникум физической культуры.

Время послевоенное было суровое. Молодежь выросшая после войны, прошла и видела многое. Драки и поножовщина были в порядке вещей. Уважали только за силу. И Ване не раз приходилось доказывать, что глубокинский паренек, прошедший лагеря смерти, может постоять за себя. Если многие пасовали перед численным превосходством или ножом, он видел смерть в концлагере ежедневно, где людей забивали до смерти по любому поводу, и это его ничуть не пугало. А природная ловкость, да еще добавившаяся сила от штанги, позволяли ему гонять местную шпану. Это вызвало уважение и никто не хотел с ним связываться, обходили стороной!

Кстати, в доме по соседству, жила девушка по имени Люда. Она сразу же приглянулась Ивану. Но, знакомство вышло не совсем хорошим, и девушка весьма настороженно относилась к Ивану. Пока не поняла, что это милый, душевный и надежный мужик. Да именно мужик!

А дело было так, поздно вечером Ваня возвращался с тренировки. И он уже подошел к своему дому, как перед ним выросли три темные фигуры и самый рослый попросил закурить.

Ваня знал, что это предлог, и что бы он не ответил, его хотят ограбить. Все чувства обостри-

лись, мускулы напряглись, для быстрых движений.

На его ответ: «Я не курю!» Последовал удар кулаком в лицо. Ваня по позе нападающего уже понял, что это будет, прямой в нос. Поэтому ловко нырнул под руку, тело сжалось в пружину и мощно распрямившись, с подключением ног, последовал удар в солнечное сплетение нападавшему. Он отлетел на несколько метров и упал корчась от боли и разевая рот. Остальные двое, закричали – «Человека убивают» и помчались прочь.

Дело было летом, крики слышали соседи, и не поняв суть дела, посчитали виноватым Ивана. Естественно, об этом, с чужих слов узнала Люда. Поэтому, Ване пришлось долгих два года ухаживать за ней и рассеять все сомнения о себе.

Она поняла, что это любящий, нежный человек, умеющий постоять за себя, за правое дело. Потом была свадьба, и они не расстанутся уже до конца жизни.

Но вернемся к тяжелой атлетике, молодой Иван Удодов тренируется в зале «Динамо» днями напролет. Под руководством опытного тренера Марка Баева, Иван оттачивает технику троеборья - жим, рывок, толчок. Позже, техника подъема штанги Ивана Васильевича, восхищает весь тяжелоатлетический мир.

Но, помимо техники, нужна и сила. И для ее развития мало только одних, пусть даже и тяжелых тренировок. Все тренируются тяжело, но только единицы становятся чемпионами. И здесь нужен особый спортивный дар, можно сказать «чутье на силу». Иван, помимо того, что выполнял установки тренера, на уровне интуиции чувствовал, что можно, а чего нельзя делать на тренировках и соревнованиях. Также, он придерживался особого питания, которое давало ему силу. Он любил есть парное мясо, которое сам поджаривал и ел.

Настойчивый, тяжелый труд, правильное восстановление быстро давало свои плоды. В весе до 56 килограмм, который называли «мухачами», ему нет равных в Ростове на Дону.

Наступает 1948 год. Удодов выступает на Спартакиаде Юга России в Махачкале, где набирает в троеборье сумму 252,5 килограмма. Второе место.

В 1949 году, он к своему результату прибав-

ляет 25 килограммов, и на чемпионате страны с суммой 277,5 килограмма, занимает пятое место!

В 1950 году, окончив Ростовский техникум физической культуры, Удодов получает новую специальность – преподаватель по физической культуре.

Тренировки продолжают, под грохот железа, в спортзале «Динамо», выковывается спортивный характер будущего чемпиона. Бесконечное количество подъемов шланги, выполнение подводящих упражнений, наливают тело Ивана все новой и новой силой. И в 1951 году Удодов преодолевает заветную для спортсменов легчайшего веса отметку в троеборье — 300 килограммов! С этим результатом он становится чемпионом СССР и входит в сборную страны! А в декабре этого же года, на VI Межведомственном чемпионате СССР, проходившем в городе Баку, он становится победителем с грассмейстерской суммой в 310 килограммов!

В сборной Иван сдружился с Григорием Новаком. В 1946 году, Новак стал первым советским чемпионом мира, выиграв это звание в Париже, с новым мировым рекордом. В прошлом он был акробатом, обидчикам не давал спуска, и это сблизило их. На сборах они частенько показывали акробатические трюки. Григорий был нижним, а Ваня на его вытянутых руках балансировал вверх ногами.

Много интересного, поучительного и смешного рассказал Григорий Ивану. Как он устанавливал рекорды в присутствии Сталина, как выиграл в Париже и «случайно» познакомился с Шарлем Ригуло – легендой французских силачей. Он показал Ивану кольцо-печатку, на которой была гиря с подковой – подарок Ригуло. Кольцо означало, что помимо силы, надобно и немного счастья! Как выступал с Леонидом Утесовым и многое другое. Помимо прочего, Григорий подсказал Ивану, как лучше тренировать жим штанги, в котором он был бесспорным чемпионом.

Но, вернемся к Удодову, результат в 310 кг позволяет ему сражаться на равных на помостах международных соревнований. Однако, за границу на мировые турниры его не выпускают. Оказывается, что мешает тот же проклятый Бухенвальд! Всех, кто был угнан в немецкое рабство, считают неблагонадежным. И не важно,

что тогда ты еще был ребенком, который предпочел рабство в неметчине, нежели расстрел своей семьи за отказ. Да и кто тогда вникал во все эти ... людские судьбы – раз был там, значит ... не наш, не советский человек.

В марте 1952 года на арене Ивановского цирка соревновались 120 сильнейших тяжелоатлетов страны. Формально спор между ними шёл за медали чемпионов СССР, но всем было ясно — и участникам, и судьям, и зрителям, что на самом деле борьба ведётся за путёвки в Хельсинки, столицу XV Олимпийских игр. Путёвок было всего семь: по количеству весовых категорий в те годы. До этого наши атлеты уже дважды выступали на чемпионатах мира, но одному лишь Григорию Новаку удалось стать чемпионом и завоевать золотую медаль.

Итак, приближались XV Олимпийские игры в Хельсинки. Советский Союз еще не резун участвовал в спортивном мероприятии такого масштаба! Это были первые Олимпийские игры для спортсменов СССР.

С таким результатом Удодова, сборная СССР по штанге, могла рассчитывать на призовое место. Спортивная общественность страны, обратилась к руководству и лично к товарищу Молотову, с просьбой разрешить Ивану Удодову принять участие на Олимпийских Играх в Хельсинки.

Прежде чем разрешить, Молотов навел справки, кто такой Иван Удодов, почему оказался в Германии, и не сотрудничал ли там с немцами? Справки навели быстро. Офицер КГБ доложил, что Иван Удодов был угнан по малолетству в Германию.

Молотов спросил – «Он что, работал на немцев там?»

Офицер – «Насколько нам известно, перетянул немецкого помещика тяпкой. Да так, что сломал ему ключицу. Пытался бежать. Был пойман и отправлен в Бухенвальд».

«В Бухенвальд?» - удивленно произнес Молотов.

«Да, в Бухенвальд!» - ответил офицер, и продолжил – «Еле жив остался – вынесли на руках, 27-и килограммового. Наши ростовские врачи, еле спасли от дистрофии!»

Выражение лица Молотова изменилось.

«И он чемпионом стал, по ... по поднятию штанги?» - вопросительно произнес Молотов.

«Так точно!» - ответил офицер, - «Да еще к мировому рекорду подобрался!»

«С таким людьми, как Удодов, мы покажем империалистам, кто сильнее!» - произнес Молотов, и добавил – «Обязательно пустить, пусть поквитается».

Вот так, Иван Удодов получил разрешение на участие в Хельсинской олимпиаде. Спортивные чиновники сообщили, руководству сборной по тяжелой атлетике, о разрешении Удодову участвовать в этих соревнованиях.

Попав в сборную страны, Ивану пришлось сменить тренера. Баев остался в Ростове, поэтому руководить подготовкой Удодова к Олимпиаде, стал Николай Иванович Лучкин. В то время он был одним из тренеров сборной. Это был человек досконально разбиравшейся в тяжелой атлетике, кандидат педагогических наук, доцент, автор первого учебника по тяжелой атлетике.

Когда было получено известие, что Удодов допущен, старший тренер сборной Николай Шатов имел серьезный разговор с Иваном.

«Ваня! Такая возможность не всякому выпадает, ты это понимаешь!? Трудиться надо на победу! И ты сможешь! Seriously поработаем над толчком, чтобы в случае чего толкнуть столько, сколько надо для победы» - сказал Шатов.

Иван Удодов, кивнул головой и кратко произнес – «Сделаю!»

«А вот тебе фото твоего главного соперника» - сказал Николай Шатов и протянул Ивану цветной журнал, в котором было фото иранского атлета, мирового рекордсмена в его категории, Махмуда Намдью.

К тому времени, Намдью уже был трижды чемпион мира, в Гааге, Париже и Милане. Он установил десять мировых рекордов в этой категории. Его считали «королем мухачей». На тот момент он обладал мировыми рекордами в троеборье — 317,5 кг, и в толчке — 128 кг. У себя на родине, он был национальным героем и любимцем шахиншаха Резы Пехлеви. В знак особого уважения к Намдью, Реза Пехлеви - Правитель Ирана, позволял ему по утрам тренироваться в своем дворце. А, за выдающиеся спортивные успехи, подарил Намдью дом и престижный автомобиль. А также, разрешил Намдью открыть в центре Тегерана собственную ювелирную лавку.

Намдью тренировался не только сам, но и подготовил в этой же категории замечательно-го ученика, Али Мирзаи. У Мирзаи особенно получался жим штанги, в котором он даже превзошел своего учителя. Вот с такими атлетами предстояло бороться Ивану Удодову.

Иван взял журнал, прочитал статью, и про себя подумал: «Будет буря, мы поспорим и поборемся. А там видно будет.» Потом, вырезал фото Махмуда Намдью и повесил у себя над кроватью. Он постоянно, ежедневно, видел фото своего соперника, и это придавало ему сил, вылаживаться на каждой тренировке. Так, еще до начала их очного поединка на Олимпиаде, Иван заранее к нему готовился.

До мировой рекордной суммы Намдью не хватало, лишь семи с половиной килограммов — всего по два с половиной килограмма в каждом из трёх соревновательных упражнений. Но... только штангисты знают, какой ценой даются эти два с половиной килограмма! Сколько они стоят пота, а порой и сорванных мозолей на ладонях. Десятки тонн железа надо поднять на тренировках, чтобы стать сильнее самого себя и прибавить граммы к уже добытым килограммам...

До Олимпиады еще оставалось полгода и Иван трудился. И не просто трудился, а верил, что возьмет верх над иранцами. Эта вера придавала ему силы, стимул ворочать горы металла на тренировках и неуклонно прогрессировать. Да и поквитаться со всем империалистическим миром, развязавшим войну. Многих бы такая нагрузка сломала, вызвала бы перетренировку, а Ивану она была в радость. У немецкого помещика и в концлагере, он дни напролет физически работал голодным. Поэтому тяжелейшие тренировки его не пугали. Препятствия не вселяли еще большую уверенность и решимость продолжать в том же духе. И он продолжал, удивляя своих товарищей по команде, тренеров своим непоколебимым упорством и верой. Частенько от него слышали – Ваня, хватит! Хватит на сегодня! А он отвечал – еще пару подходов и ... делал в 3-4 раза больше!

Вообще, по поводу тренировок Ивана Удодова ходили легенды. Так один из тренеров сборной, а в прошлом тяжеловес Яков Григорьевич Куценко, говорил об Иване — что это тот ред-

кий случай в спорте, когда у спортсмена почти отсутствует рассудочность, и он всё делает интуитивно. У Удодова совершенно особый дар, какой-то внутренний барометр, который безошибочно подсказывает ему, что можно и чего нельзя делать на тренировках и соревнованиях. И дар этот ещё никогда не подводил Удодова!

Подготовка к Олимпиаде началась в окрестностях Подольска, в старинном особняке бывшего московского миллионера булочника Филиппова, а потом продолжилась в Выборге.

Итак, месяцы упорных тренировок позади, скоро ехать в Хельсинки. Ваня подошел к старшему тренеру Николаю Шатову и отпросился на денька два съездить на родину – в поселок Глубокий, проведать родителей.

Хорошо было в родных стенах, с родными людьми. Но два дня быстро пролетели и настало время расставания. Иван подошел к своему отцу, Василию, вынул фотографию иранца Намдью, порвал в мелкие клочья, и сказал: «Батя, умру, но чемпионом приеду!»

Простились на перроне станции Глубокая. Был солнечный летний денек, Ваня сел в вагон, а на перроне остались родные – родители, брат Николай и милая сердцу супруга Люда.

Последняя неделя сборов, и 14 июля 1952 года от перрона Ленинградского вокзала отошёл «олимпийский» поезд. Спортивная делегация страны Советов впервые отправилась на Олимпийские игры в Хельсинки. Легкоатлеты, борцы, футболисты, боксёры, пловцы, велосипедисты, стрелки, гимнасты... В нескольких купе разместились и штангисты вместе с тренерами и запасными. Команду тяжелоатлетов возглавили опытные ветераны — чемпионы далёких 20-30-х годов — дядя Саша Бухаров, Николай Шатов, Лев Механик и Николай Лучкин. В поезде царил оживление и нетерпеливое ожидание борьбы. А Григорий Новак рассказывал новую историю из своей жизни.

Часть 6 Олимпиада в Хельсинки.

Хельсинки встретили нашу олимпийскую команду весьма и весьма негостеприимно. Недавно кончилась война и Финляндия воевала против нашей страны. Это враждебное отношение чувствовалось во всем – радушно принимали всех, но только не русских – советских

атлетов. Ну да ладно, русские давно привыкли, что им не рады. Они приехали сюда не любезничать, а завоевывать медали для своей страны ... Великой России, которая в одиночку выстояла и победила фашистскую Германию, поработившую под себя всю Европу!

19 июля состоялось торжественное открытие XV Олимпийских игр. В этот день шёл проливной дождь. Но это никого не смутило. Олимпийские команды разных стран выходили на дорожку стадиона. Вот появилась и сборная СССР. Красное знамя СССР, держал в своих могучих руках парторг команды штангистов тяжелоатлет Яков Куценко и гордо нес его по стадиону.

Итак, соревнования по различным видам спорта начались. Тяжелая атлетика должна была начаться через неделю, после открытия игр. Последние тренировки сборной. В большой тренировочный зал, сборные разных стран ходили по расписанию. Бывало так, что спортсмены других стран заглядывали, посмотреть, как тренируются и на что готовы советские тяжелоатлеты. Особенно часто бывали американцы. Они бесцеремонно рассматривали наших атлетов и жевали жвачку. Их все считали фаворитами – сборная США, последнее время всегда была первой.

За неделю, силу не наберешь. Важно в этих последних, перед соревнованиями, тренировками поддержать себя в тонусе, настроиться на результат и не перегореть. «Перегореть» – на языке спортсменов означает эмоционально переволноваться, и в пустых волнениях «расплескаться» силу, не донести ее до соревнований. Поэтому тренера зорко следили, чтобы этого не произошло и заранее согласовывали начальные подходы, рассчитывали на что способен спортсмен.

В один из таких тренировочных дней, было решено познакомить Ивана Удодова с Махмудом Намдью. И здесь произошло знаменательное событие, иранец, обычно приветливый и общительный, стал неузнаваем. Газетная шумиха, чемпионские титулы, внимание шахиншаха, рекорды и медали давили на его могучие плечи. Когда Иван протянул ему руку для знакомства, Махмуд равнодушно отвернулся и сквозь зубы процедил для стоявшего рядом корреспондента свой прогноз: «Намдью — чемпион с суммой 322,5 кг, Мирзаи — второй с суммой 315 кг ... А

этот, возможно, наберёт 310...» И пренебрежительно кивнул в сторону Ивана.

Такое поведение возмутило Ивана, и он ответил ему по-русски: «Я Гитлера победил, а тебя уж и подавно!» И подкрепил это соответствующим жестом.

Настал день соревнований, 25 июля 1952 года. Ваня проснулся пораньше и сразу же взвесился. Весы показали ... лишних, 2,5 килограмма! Так можно в свою категорию не влезть! Встревожились тренера, заволновалась команда. Зато сам Иван был спокоен.

«Наломайте берёзовых веток, сходим в баню и все сгоню. Нам не привыкать», - так прокомментировал лишний вес Иван. Вместе со старшим тренером сборной, Николаем Шатовым, они отправились в финскую парную.

В начале разогрелись, и не спеша Шатов начал охаживать Ивана берёзовым веником. При этом давал советы – «Подошел к штанге не спеши! Подумай как ее брать, а потом уж ... вложись что есть силы! Вот тогда она пойдет по нужной траектории и никуда не уведет.» Ваня, лежа на полке, под веником, молча кивал головой.

За первым заходом, последовали другие, важно было вес согнать мягко, чтобы это не отразилось на силе. Ее надо было донести до помоста и потому не спешили. Вес уходил нормально, самочувствие было хорошим.

Вернулись из парной через 3 часа. Оба красивые, распаренные. Иван согнал 2 килограмма 700 граммов, а Шатов целых 4 килограмма. И это не удивительно – ведь он парил, махал веником, а значит расходовал больше энергии. Да и лишней воды у него было много.

Подшло время соревнований, и Удодов с тренерами отправляется в зал «Мессухали-2», там проводятся соревнования по тяжелой атлетике. Но в начале взвешивание участников соревнований. Вес спортсменов этой категории не должен быть больше 56 кг. Спортсмены по очереди подходили и взвешивались. В итоге, Удодов оказался легче Намдью на 200 граммов. А это значит, что в случае с равным результатом в сумме трех упражнений – он будет первым. Это было маленькое, но тем не менее преимущество!

Перед началом соревнований представление участников. Всего участвуют 17 спортсменов.

Финские зрители одобительно приветствуют всех, особенно иранцев. При представлении Удодова, зал недовольно гудит. Еще бы русских они считают врагами. Ваню это не смущает, наоборот, заводит. Невольно накатываются воспоминания.

«Ладно! Посмотрим, кто кого!» - подумал Иван.

Первое упражнение жим штанги стоя. Ваня, как никогда сосредоточенно разминается. В начале без штанги – важно разогреть суставы, мышцы. Потом с грифом и только после этого со штангой - 50 кг. Взял на грудь, раз другой и пару раз пожал.

Посмотрел, что делают иранцы. Они разминаются самостоятельно, с прибавкой весов не спешат, так как будут выступать последними.

Начинают вызывать участников на помост. Один за другим выходят участники на помост. Постепенно штанга тяжелеет.

Ваня выжимает на разминке 60, потом 70 килограммов. А начинать решено с 85 кг.

Иранцы не ожидали, что вместе с ними, на равных, будет подходить и русский спортсмен. Это немного их смутило. В первой попытке, Ваня легко пожал заявленные 85 кг. Столько же пожали и Намдью с Мирзаи.

Второй подход – 90 кг на штанге. Оба иранца берут вес. Очередь за Удодовым. Он легко берет вес на грудь, и после хлопка судьи – молниеносно выжимает. Невиданная лёгкость исполнения жима смутила судей. Правила тех лет требовали плавного и медленного выжимания штанги от груди. Высокая скорость при жиме штанги считалась ошибкой ещё большей, нежели отклонение туловища или остановка штанги во время движения. Судейский фонарь засветился тремя тревожными красными огнями. Старший тренер Николай Шатов подошёл к столу апелляционного жюри и положил на него крупную денежную купюру. Это означало, что с нашей стороны поступил протест. Соревнования остановились на целый час! Пять членов жюри долго спорили, а спортсмены в это время остывали. Им требовалась новая разминка. В конце концов, президент международной федерации тяжёлой атлетики американец Уортман (он же и глава жюри) спрятал деньги в карман. Это означало, что протест отклонён и вес не защищён. У Ивана остается одна попытка, вес надо обяза-

тельно брать, иначе иранцы уйдут вперед и их уже будет не догнать.

Главный тренер Шатов, напутствует Ивана – «Ваня не спеши. Ты его и так выжмешь!»

К сложностям Ивану не привыкать, они его только разозлили. Добавили сил. Вес легко взят на грудь, принято положение для жима, хлопок судьи, и 90-килограммовая штанга, плавно выдавливается вверх. Три белых ярких лампы судейского фонаря зажглись одновременно. Вес защитан!

У иранцев остались еще попытки. Однако, долгое ожидание сбило настрой Намдюю. Он к такому не готов, и не жмет заказанные 95 кг. Мирзаи оказался получше, не даром он силен в жиме и осилил вес.

Итак, первое движение — жим — выиграл Мирзаи с результатом 95 кг. А вот Намдюю не оторвался от Удодова, они оказались на равных с результатом 90 кг. И если вспомнить, что Ваня легче его, то победа в жиме за ним.

Началось второе движение – рывок штанги. И вот здесь иранцы занервничали — советский парень в красном трико пропускал один вес за другим. Многие именитые атлеты уже «отстрелялись», и давно начали разминку перед толчком. А Удодов еще не подходил! Мирзаи, не дождавшись, сколько закажет наш атлет, начал с 87,5 кг. За ним пошел Намдюю на 90 кг.

Иван начал последним с веса 92,5 кг. Очень легко вырвал этот вес на прямые руки и встал из низкого седа. Столько же поднял и Мирзаи.

На штангу установили 95 кг. Египтянин Махгуб с воинственным криком зафиксировал этот вес. Следом выходит Мирзаи – не поднял.

На помост вызывают Намдюю. Для него 95 кг были привычным весом. Он поднимал и больше, но это было тогда, когда не было жесткого соперничества, он к такому не привык. А тут появился задиристый русский, который громко обратился к секретарю: «95 пропускаю»!

Намдюю взялся за гриф штанги, потянул, подорвал ее чуть выше пояса, и распластался под штангой в своих знаменитых стелющихся «ножницах». Вес взят. Но чем ответит Удодов, у которого осталось еще две попытки.

Судья информатор объявил установить на штангу 97,5 кг. Первым подходит Удодов. Сжимает гриф штанги, слегка трясет руками – чтобы они не сковали движение и мощно вырывает

в низкий сед. Подсед, штанга слегка заиграла, но застыла в вытянутых руках. Но вместо белых огней зажглись красные! В чем дело? Наши подают протест. Соревнования остановлены. Судьи утверждают, что при выполнении рывка был дожим штанги в седе. Вновь длительное разбирательство и ... отклонение.

Теперь вызывают на помост Намдюю – вес тот же 97,5 кг. Чувствуется, что он не привык к такой конкуренции и нервным соревнованиям. Он долго ходил по сцене, настраивается. Потом, повернувшись к стене и закрыв глаза, прочитал молитву. Затем быстро подбежал к штанге, погрозил ей кулаком, осторожно захватил гриф в замок, и потянул штангу вверх. Подсед, но штанга оказалась впереди, и с грохотом падает на помост. Намдюю закончил соревнование в рывке с результатом 95 кг.

У Удодова остается последний подход. Вот он шанс, уйти в отрыв от Намдюю – мирового рекордсмена в толчке. Вес надо брать и загнать соперника на такие веса в толчке, которые ему не подвластны.

Ваня выходит на помост. Внешне он абсолютно спокоен. Старательно натирает руки магниезией, чтобы хват был лучше. Стоявший у входа на помост Яков Григорьевич Куценко, подбодрил Ивана: «Не горячись, и всё будет в порядке».

Ваня нагнул, примеряясь. Косая челка закрыла лоб. Руки сжали гриф штанги в замок. Потом, привычное встряхивание руками. Что в этот момент думал Иван неизвестно, но он так вложил в движение, а потом ... быстро нырнул под штангу, что она оказалась на выпрямленных вверх руках – чисто зафиксированная.

«Есть» - пронеслось в голове. Три белых фонаря подтвердили успешность попытки. Следившие за выполнением упражнения наши тренера, радостно подняли руки вверх. Еще бы, это было повторение мирового рекорда египтянина К. Махгуба. На этот раз, зрители ответили бурной овацией. Более того, на помост выбежал Джон Дэвис – знаменитый чемпион негритяжеловеса из команды США, и унес Ивана на руках с помоста.

«Мистер Дэвис просит сказать вам, что он сейчас унес будущего чемпиона», — пояснил нашей команде этот поступок переводчик.

К толчку – третьему, заключительному

упражнению, Намдью отстал от Удодова на 2,5 кг, а поскольку был тяжелее нашего спортсмена, то для победы ему нужно было опередить Ивана в последнем движении на целых 5 кг! А это солидная прибавка для мухачей! Всем бросилось в глаза, что улыбка исчезла с лица Намдью – он перестал улыбаться зрителям. Что касается Мирзаи, то они с ним оказались теперь на равных.

Начался толчок. Один за другим выходили на помост спортсмены. Вот вышел сухой и жилистый с шапкой исеиня-черных волос Мирзаи – одна попытка, вторая, и третья. Конечный вес 112,5 кг, этого явно мало для победы, но он доволен – место в призовой тройке обеспечено.

Удодов и Намдью ещё не выходили на помост. Пропустили 115 кг, а затем и 120 кг... Чтобы «покончить» с Мирзаи и ошеломить Удодова, Намдью заявляет свой первый подход к штанге 122,5 килограмма. С этого же веса начинает и Иван. Он первым подходит к штанге.

Намдью специально вышел в проход на помост, чтобы посмотреть, насколько силен его соперник. Иван легко толкнул вес, и зал восхищённо зааплодировал. Теперь зрители на его стороне. Им понравился этот уверенный в своих силах, молодой парень. С такой челкой и наколками на руках. Он показывал отточенное мастерство во всех трех упражнениях. Особенно подкупал всех толчок штанги от груди – четко, без каких-либо колебаний.

А у Намдью случилась неудача — при взятии на грудь, штанга соскользнула с груди, плохо подвернул локти. Пришлось ему тратить свою вторую попытку на этот же вес. Здесь он уже постарался, и словно на тренировке, красиво и четко, вытолкнул этот вес. Усталый, но довольный, опускает штангу на помост.

Толкнув 122,5 кг, Удодов побил олимпийский рекорд в троеборье американца ди Пиетро — 307,5 кг, установленный четыре года тому назад в Лондоне. Советский атлет, едва начав толчок, уже имел сумму 310 кг. Намдью на пять килограммов отстает. Тактика избранная нашими тренерами оказалась правильной. Отвага и решительность Ивана выбила соперника из привычной колеи и навязали ему свои правила игры.

Во втором подходе Иван поднимает вес 125 кг. Теперь решают все последние попытки. Удо-

дов прибавляет еще 2,5 кг на штангу, а это лишь на полкилограмма меньше мирового рекорда самого Намдью!

Очевидцы рассказывали, как Намдью и его тренер что-то лихорадочно подсчитывали внизу у помоста. Возможно, он рассчитывал, что 127,5 кг не покорятся Удодову, и тогда можно будет попытаться догнать этого неукротимого русского.

Ассистенты, установив на штангу 127,5 кг, отошли в сторону. Эмоциональное напряжение, царившее перед подходом Ивана – огромное, запредельное. Зрители притихли. Всех охватило волнение. До помоста из пресс-центра донёсся перестук пишущих машинок. Один из тренеров советской сборной, Николай Иванович Лучкин, в обычной обстановке человек уравновешенный и спокойный, до того разволновался, что сунул себе «беломорину» горящим концом в рот! Пока отплёвывался, Удодов уже вышел на помост. Натёр руки магниезией, не спеша подошёл к штанге, неторопливо положил ладони на гриф. Захват грифа в замок, принял стартовое положение и ... тяга, последовали быстрый подрыв и подсед в «разножку». Штанга на груди. Ваня чуток ее поправил, чтобы удобнее было толкать. Подсед и мощный толчок. Штанга подлетела вверх и застыла на выпрямленных руках. Удодов улыбался, держа над головой этот огромный вес. Публика ревела от восторга.

Иван Удодов закончил соревнование с суммой 315 кг. Это на 7,5 кг превышало прежний олимпийский рекорд!

У Намдью оставалась последняя попытка. Чтобы выйти вперед, он должен был толкнуть 132,5 кг. Мировой рекордсмен ещё никогда не брал такую тяжесть. От самоуверенности шахского любимца не осталось следов. Он выбежал к штанге и заметался. Обратился за помощью к Аллаху. Повернувшись лицом на Восток и сложив руки на груди, Намдью беззвучно зашептал молитву. Обсыпанные магниезией ладони оставили на подбородке белый след. В зале стояла полнейшая тишина. Все затаив дыхание, следили за каждым движением иранца. Следил за ним из-за кулис и Иван. Намдью отчаянно бросился на штангу, как на заклятого врага. Но сил у иранца хватило лишь на то, чтобы подтянуть штангу до пояса, после чего она с грохотом упала на помост. А Намдью, понуро ушёл со сцены.

«Ура!» - прогремело дружное приветствие тренеров, и все бросились качать Ивана Удодова. Он стал первым из советских спортсменов олимпийским чемпионом в тяжёлой атлетике!

Каким счастливым Иван Удодов был в тот июльский день, когда взошел на золотой олимпийский пьедестал! Парень небольшого роста, с обаятельной мужской улыбкой, с легкой косой челкой, с множеством наколок. Эти наколки не могли скрыть ни трико, ни майка: и пронзенное стрелами сердце, и классическое «не забуду мать родную»... Лишь одна татуировка на руке была наколота без всяких изысков. Просто небольшой прямоугольник - так бывший малолетний узник Бухенвальда Иван Удодов постарался «закрасить» навсегда свой лагерный номер.

Олимпийский пьедестал.

Призовые места в легчайшем весе (до 56 кг) распределились следующим образом:

1. И. Удодов (СССР) 315 кг (90 + 97,5 + 127,5)
2. М. Намдью (Иран) 307,5 кг (90 + 95 + 122,5)
3. А. Мирзаи (Иран) 300 кг (95 + 92,5 + 112,5)
4. Х. Ким (Южная Корея) 295 кг (80 + 95 + 120)
5. К. Махгуб (Египет) 292,5 кг (75 + 95 + 122,5)
6. П. Ландеро (Филиппины) 292,5 кг (90 + 87,5 + 115)

Победа Удодова подняла веру в свои силы у всех участников команды, и советские штангисты впервые в истории мировых первенств одержали командную победу, оставив тогдашних мировых лидеров, сборную США, на втором месте.

После победы, Иван Удодов написал в стенгазету «За Родину!», ее выпускали в Хельсинки участники игр: «Нужно было бы для победы сделать еще больше — я бы, вероятно, сделал. Нужно было бы пойти на опасный риск — я бы пошел. Потому что мы здесь боремся не за свою славу, не за какие-то свои личные выгоды, а за спортивную честь своей страны!»

В Ростове олимпийца Удодова встретила

толпа болельщиков. От вокзального перрона его понесли на руках по улицам города!

В дальнейшем были у Ивана Васильевича и другие, громкие победы, но это уже совсем другая история. Именно победа на Олимпийских играх в Хельсинки, сделала его Имя бессмертным, а жизнь – подвигом Веры и Мужества.

5 мая 2018 года. Малахов Геннадий.